

Нин Цюянь бродил по комнате с поднятым телефоном, выискивая сигнал.

Встал на кровать, залез на подоконник.

Потом вышел в коридор, заглянул в столовую, в гостиную и во двор.

Индикатор сигнала упрямо показывал восклицательный знак. Связь мелькнула и пропала — и опять в его распоряжении осталась только офлайн-головоломка. Он спросил дядю Кана насчёт сигнала на острове, и тот доброжелательно посоветовал попробовать у озера, но быть при этом осторожнее.

Озеро теперь вызывало у Нин Цюяня психологический дискомфорт. Тем не менее два часа спустя он не устоял перед соблазном интернета и побрёл с телефоном через лес.

В первый раз выйдя из особняка при дневном свете, он шёл неторопливо, оставляя на снегу неровные следы, — крошечная подвижная точка среди деревьев.

— Хороший мальчик, — вскользь заметил доктор Лин. — Такое послушное лицо, глаза — как у щенка, а на руке, оказывается, татуировка. Говорит, в память о матери. Красивая, кстати.

Гуань Хэн стоял у окна и смотрел вниз.

Плотная штора была отодвинута совсем чуть-чуть. Полоска дневного света падала перед ним, не достигая его, — примерно в фут.

В тёмных глазах Гуань Хэна отражался снег за окном. Он тихо произнёс:

— За правым ухом, на мочке, тоже есть.

Доктор Лин удивился:

— За ухом тоже?

Маленькая точка в лесу споткнулась и упала, но тут же поднялась, поправила шапку и двинулась дальше — неловко, потому что тропа была скверная.

Гуань Хэн задёрнул штору и равнодушно добавил:

— Сердечко. Совсем маленькое.

Доктор Лин не удержался от смешка.

Комната снова погрузилась в полумрак.

Свет люстры отбрасывал на пол высокую молчаливую тень Гуань Хэна.

Он в несколько шагов пересёк комнату, подошёл к столу и подхватил длинными пальцами маленький пузырёк с красной жидкостью — всего несколько миллилитров. Посмотрел на него, затем поставил обратно:

— Забери.

— Если бы ситуация не была настолько серьёзной... — Доктор Лин согнал с лица улыбку. — То, что вы делаете, для них не обязательно благо. На мой взгляд, каждому из них стоило бы быть осмотрительнее.

Гуань Хэн не стал отвечать.

После короткой паузы он произнёс:

— Скоро уже?

Доктор Лин глянул на часы:

— Примерно час. Как вы себя чувствуете?

— Ничего особенного не ощущаю, — ответил Гуань Хэн.

— Встреча в апреле, — сказал доктор Лин. — Сяо Нин приедет снова через месяц. — Он помедлил и спросил: — Вы не думали о том, чтобы оставить его жить на острове? У нас прекрасные условия. Мы позаботимся о нём.

Чёрные волосы Гуань Хэна ниспадали водопадом; лицо оставалось бесстрастным:

— Пока до такой степени не дошло.

У озера Нин Цюянь сигнала тоже не нашёл.

Ему пришла в голову мысль: может быть, сеть есть только в комнате Гуань Хэна?

Но тут же он сам от неё отказался. Если бы интернет работал именно оттуда, то этажом ниже, на таком малом расстоянии, он тоже бы ловился.

Разгадки так и не нашлось. Нин Цюянь был страшно разочарован.

Лишить молодого человека доступа к интернету — всё равно что отнять у него душу.

Офлайн-головоломка больше не утешала.

Зато пейзаж у озера был прекрасен.

Если не считать того, что он чуть не провалился тут под лёд и всё ещё вздрагивал от одного воспоминания, придаться было не к чему.

Озеро замёрзло. Лодка вмёрзла где-то посередине.

На маленьком причале белел снег, а по берегам вздымались пихты.

Нин Цюянь вернулся в комнату за гитарой и снова вышел к озёрному причалу. Раненая рука уже не так болела, и он просто хотел поиграть — хоть какое-то занятие лучше, чем бессмысленно тянуть время.

Та мелодия, которую он слушал в автобусе по дороге на остров, ещё оставалась в кэше телефона.

Он проиграл запись несколько раз, потом попробовал подобрать сам. Тишина, никого вокруг, изумительный пейзаж — всё это помогало, и вскоре он уже уверенно воспроизводил мелодию.

Когда ему захотелось сыграть что-нибудь ещё, он вдруг оборвал игру.

Резко, на полузвуче.

Нин Цюянь долго сидел неподвижно, глядя в пустоту.

Когда руки и ноги онемели от холода, он подхватил футляр и пошёл обратно. Потом ещё долго лежал на кровати и смотрел в потолок. Головоломку он больше не открывал.

До самого отъезда с острова Ду он больше не увидел Гуань Хэна.

В понедельник утром, ещё затемно, Нин Цюянь уже собрался и спустился в столовую.

Кухня приготовила для него овсянку и сэндвич.

Он съел всё подчистую.

Больше всего на острове Ду его радовала именно еда. Каждый приём пищи был иным и каждый раз — вкусным. Раненый кухонный работник, похоже, совсем не сказался на работе кухни.

Дядя Кан лично проводил его до пирса.

Когда они добрались, с неба снова посыпался мелкий снежок.

Небо только-только начинало светлеть, и белый корабль у причала в зыбком утреннем полумраке казался призрачным контуром.

Ветра не было. Корабль не покачивался. На палубе стоял человек — должно быть, дядя Пин.

Перед тем как подняться на борт, Нин Цюянь вспомнил кое-что:

— Дедушка Кан!

Он достал из кармана пальто согретый теплом тела футляр с наушниками.

— Это наушники господина Гуаня. Я вернусь домой и буду нормально засыпать — они мне не нужны. Передайте ему, пожалуйста, мою благодарность.

Дядя Кан не принял подарок и с улыбкой ответил:

— Если господин что-то подарил тебе, значит, это уже твоё.

Нин Цюянь не хотел брать. Он и так получил огромную сумму.

Дядя Кан, прочитав его мысли, сказал:

— В следующий раз приезжай на остров Ду, как условлено. Считай наушники маленьким знаком благодарности. Ну, ступай. Надеюсь, на этот раз не укачает.

Нин Цюянь попрощался с дядей Каном.

На корабле дядя Пин выглядел точно так же, как в прошлую пятницу.

На этот раз на море было спокойно.

И в каюте не оказалось того парня, который приехал с ним в прошлый раз.

Нин Цюянь спросил о нём. Дядя Пин не дал прямого ответа:

— Ты здесь ненадолго. Больше он с тобой на одном корабле не окажется.

Судно шло по воде.

Без приключений они добрались до материкового пирса.

— В следующий раз будь вовремя, — сказал дядя Пин. — Я снова буду тебя ждать.

— Хорошо. — Нин Цюянь кивнул, сошёл на берег и помахал рукой: — До свидания, дядя Пин!

Тот стоял на палубе и, кажется, совершенно не привык к подобным проводам.

Лишь спустя заметную паузу он тоже поднял руку, а затем быстро скрылся в каюте.

Нин Цюянь ступил на твёрдую землю. На берегу снова виднелись те же старые лодки с яркими граффити.

Он прошёл через знакомый лес, вышел на знакомую асфальтовую дорогу и полчаса прождал на остановке — обратный автобус так и не появился.

Тогда он пошёл пешком.

Когда он отошёл метров на двести-триста, на телефоне наконец пошёл вызов.

Су Цзяньчжоу сказал:

— Нин-Нин, давай завтра вечером после твоей смены пойдём есть шашлычки. Я буду ждать тебя в баре.

Нин Цюянь:

— Давай.

Су Цзяньчжоу бросил кому-то рядом пару слов — весёлым голосом, — а потом с укором обратился к Нин Цюяню:

— Я вчера тебе звонил — не дозвонился. Ты чем занимался?

— Я был на острове Ду. Там со связью плохо.

Су Цзяньчжоу замолчал на секунду, потом выругался на самого себя:

— Прости, совсем замотался и забыл.

— Я знаю, — сказал Нин Цюянь. И, как ни странно, нисколько не рассердился.

Пока он был на острове, его жгучее желание связаться с Су Цзяньчжоу и выплеснуть на него все накопленные странности — куда-то исчезло.

Он почувствовал, что повзрослел.

Договорившись о времени, Нин Цюянь увидел, как из утреннего тумана вынырнул автобус.

Он поднялся на борт. Водитель был другой, салон — полный, и все пассажиры выглядели так, будто ещё не проснулись.

Нин Цюянь сел у окна и слушал, как девочка на переднем сиденье канючит у мамы поиграть с ней в пальчикового мишку.

За спиной парочка шепталась о своём, сосед через проход заливисто храпел прямо при всех.

Нин Цюянь пролистал все сообщения и новости, которые пропустил за эти дни.

И вдруг почувствовал, что вернулся в реальность.

Той ночью Нин Цюяню приснился очень нехороший сон.

Подобные сны случались с ним и раньше, но никогда прежде он не просыпался от них мокрым насквозь.

Он хватал воздух ртом, обнимая одеяло, — и от стыда крепко зажмурился. Но перед закрытыми веками неудержимо всплывали горячечные обрывки.

Голубая гладь озера. Лодка, покачивающаяся на воде.

Лунный свет, падающий на них обоих.

Они — две сплетённые, неразделимые рыбы.

«Не предам. Не сбегу. Не буду бояться».

Он плакал, со слезами на ресницах, снова и снова давая обещание тому человеку.

Длинная прядь волос скользила по его мочке уха.

Чужое дыхание замирало у шеи.

Тот стоял позади и низким, красивым голосом нащёптывал заклинание:

«Вверь себя мне».

И он повторял — истово, снова и снова, — страшась, что его преданность будет не доказана.

А потом картинка сменилась. Они были в комнате.

Гуань Хэн сидел в кресле. Бокал в его руке опустел. Бледная кожа, тёмные глаза. На губах — живой цвет крови.

«Вставай», — холодно бросил Гуань Хэн. Как подачку.

Нин Цюянь, вспоминая этот нелепый, безумный сон, уткнулся лицом в подушку. Сердце билось так, что стучало в ушах. Жар со щёк никак не желал спадать.

"...Вверить себя тебе."

Всего-то разок съездил на остров Ду, а уже сходит с ума.